

С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ, МАМА

Все родители рожают детей для себя. А уж тем более мамы. Они до последнего дня бегают по магазинам, гладят инстинктивной ладонью на прилавках пелёнки, подносят их к лицу. В квартире уже всё посвящено будущему виновнику бессонных ночей: девочке или мальчику. Тому, кого определил Оракул УЗИ. И мамы впадают в беспросветное жертвоприношение этому истукану: кто — закупая всё розовое и красное, кто — тратя последнее на голубое и синее.

Собственно, оно и рождается розово-голубым. Так было и с моим братом. Я его выпросил у мамы.

Я ходил за ней хлястиком от байкового халата и ныл: «Ну что тебе стоит?» В четвёртом классе я ещё не знал, откуда появляются дети, но знал, что от мам. Мама, чтобы не ранить мои четвёрки по ботанике, говорила, что им разрезают живот и оттуда достают детей. Несмотря на такое изуверство, я всё равно настаивал на брате. И имя уже ему придумал, и кресло в комнате отодвинул, чтобы место для будущей кровати очистить. И металллома больше всех в школе сдавал, и в секцию картингистов записался. Когда дошло до того, что я приволок домой самосвал, купленный на

сэкономленные на всяком мороженом и жвачках, мама не выдержала и слегла в роддом.

После школы я делал огромный крюк по городу, чтобы постоять во дворе этого заведения. Просто так. Потому что приходить можно было только в разрешённые часы и пытаться кричать в закрытое окно, чтобы тебе уже показали того, кого ты заслужил хорошей учёбой и круглосуточно чистыми полами в квартире.

Маму выписали, когда я был в школе. Это было бесконечно подло по отношению ко мне. Зайдя в квартиру, я понял, что он уже здесь. Я уронил портфель и бросился к нему через всю квартиру. Хорошо, что висел май и я не в снеговом пальто и валенках ломанулся в детский угол. Мама не успела меня даже остановить — она дремала, не заметив моего вторжения. Я перекинулся через перила деревянной кровати-клетки, как через ограждения водопада Виктория, и заглянул внутрь. В бездну.

Передо мной лежало чудовище.

Розовое с голубыми прожилками, покрытое седым пухом, влажное, лысое и скрюченное существо из мира недочитанных под одеялом сказок. Оно морщило лоб и кривило губы. Очень много лет спустя я его увидел в фильме про Бенджамина Баттона. Если бы этот урод в этот момент закричал, то стал бы идеальным персонажем для сказки Гофмана.

Но головоногий леприкон лежал молча со скрученными дулями у рта, пытаясь сосать большой палец.

Я повернулся к маме и заплакал. Она, пробудившись, сидела на диване, подобрав под себя ноги в тапках, как будто мои слёзы могли захлестнуть её и, поднимаясь

разбушевавшейся Невой, завершить финальную сцену картины «Княжна Тараканова». Я не плакал навзрыд — я просто стоял, а слёзы текли на алый пионерский галстук, растекаясь кровавыми пятнами.

У мамы задрожал подбородок. Она не знала, что делают в такой ситуации.

- Серёжа. Ты есть будешь?
- Нет,— не раскрывая рта, пробурчал я.
- Хорошо. Гулять пойдёшь?
- Нет.
- А что будешь делать?

Я молча повернулся к кровати и сделал шаг. Мне показалось, что засевшее в ней существо сейчас выпрыгнет и вцепится мне в горло беззубым ртом. А может, у него там клыки? Или раздвоенный язык?

Монстр, не открывая глаз, переливался на солнце подшёрстком и морщил нос.

- Мама, можно я его возьму на руки?
- Не боишься?
- Ещё не знаю. Он страшный. Но я его и таким любить буду.

Я осторожно приподнял его и притянул к себе.

Он был таким тёплым и пахнул чем-то сладким. И дышал мне прямо в шею.

И я поцеловал его, как щенка, в мокрый нос.

И понеслось. Маму я к нему подпускал только для кормления. Все детские кухни, укачивания, пеленания, утюжки распашонок, облизывание упавших сосок, разогревание молочных смесей, мытьё бутылок и всё, что связано с обиходом любого новорождённого, я ревностно взял на себя.

Кроме этого, в школе я перешёл с троек на одни «отлично» совершенно без напряжения, несмотря на всю эту старшебратовскую занятость. Я вообще не помню, чтобы мама с тех пор проверяла мои уроки. Она перестала ходить в школу на собрания:

— Не могу больше слушать, какой ты хороший, как я должна тобой гордиться. Неловко перед другими родителями,— говорила она.

— Я исправлюсь.

Гулять его в коляске тоже вывозил я. Времена тогда для нашей семьи были не очень сытые. Пелёнки брата сами шили из двух половинок, потому что готовые стоили слишком дорого. Коляску купили в комиссионном магазине аж за 15 рублей. Это была четверть маминой

зарплаты. Коляска была идиотского чемоданно-клетчатого красного колера. Когда я катил её по улице, прохожие с раздражающим умилением на лицах восхищались:

— Сестричку выгуливаешь? Какой молодец!

Много у нас мастеров определять половые признаки по цвету мебели. Меня уже трести начинало от того, что я молодец, всем пионерам пример, какой причёсанный мальчик.

Вдруг захотелось говна, ложкой и перепачкаться. И я с одноклассником укатил на Белое море на собранных из помоечного лома велосипедах.

Мы нашли на берегу огромную цистерну-катамаран с люком, забрались в неё и стали играть в подводников-северодвинцев. Задраив над головами тяжеленный люк цистерны, принялись ждать, когда нас отнесёт в открытое море и мы вернёмся домой прославленными моряками. Мы даже видели заголовки в «Пионерской правде».

Когда воздуха стало катастрофически не хватать, мы высунулись на белый свет и тут же поняли, что нас ждёт слава. Посмертно. Дело в том, что приливы на Белом море — это не «чуть-чуть пляжа намочило», это километры ледяной воды, пожирающие берег. Наша подводная лодка раскачивалась на волнах уже в 25 метрах от суши, потихоньку удаляясь в открытое море. Вокруг качались на волнах квадратики торфяных островков размерами не больше прикроватного коврика.

Мой героизм упал на дно цистерны и зарылся в тряпки.

Перепрыгивая с островка на островок, мы спешили изо всех сил: прилив двигался синхронно с нами. Перепачкавшись, искупавшись несколько раз в мёрзлой воде,

мы, как перепуганные ондатры, всё-таки добрались до берега. Нашей мемориальной цистерны не было видно: она ушла в дальний поход без экипажа.

Домой я вернулся за полночь. Тихо открыл дверь. А вдруг не заметят? На цыпочках стал двигаться к своей комнате, оставляя за собой мокрые двенадцатилетние следы.

На моей кровати спал брат. Один. Такого никогда раньше не было, он всегда засыпал в своей кроватке. А тут полуторагодовалый ребёнок один лежит в моей комнате. Как будто сам пришёл на своих коротких ножках, забрался, лёг, накрылся одеялом и уснул. Даже ночник не забыл включить.

Я, ничего не понимая, осторожно сел на край кровати, боясь его разбудить, и спиной почувствовал, что к открытой двери подошла мама.

И в этот момент мне стало бесконечно страшно. За всё, что мы сегодня натворили с другом. Стало

страшно не за себя, а за то, что мой брат остался бы на всю жизнь без меня. И я никогда бы не увидел его взрослым.

Не оборачиваясь, я почему-то сказал:

— Мы с Женей играли в подводников в заливе.

Мама молчала. Она никогда меня не ругала, даже голос не повышала. Её молчание — самое тяжёлое наказание для меня.

Я ошутил себя полным идиотом. Когда позже узнал значение этого слова, то понял, как оно невероятно конгруэнтно подходило к тому мне, который сидел тогда на уголке кровати.

На следующий день после уроков мои друзья засобирались на внеклассное самообразование:

— Серёга, дёргаем сегодня с продлёнки? Училка заболела, мы едем на городскую свалку!

— Не хочу.

— Ты же сам в прошлый раз оттуда клёвый приёмник притащил. Работающий!

— Нет.

Я стоял и сам не понимал, почему меня не тянет в самое роскошное место на свете — на городскую свалку, поле чудес и всех наших самых яростных приключений. Мне стало неинтересно всё: ехать зайцем в автобусе, выбегая при входе контролёров, на ходу забираться в кузов грузовика, везущего с базы хлам на это скопище сокровищ, представлять, сколько меня там ждёт всего нужного.

Я слушал своих дружбанов, и до меня потихоньку доходило, что я вчера на один шаг приблизился к скучному и неинтересному миру взрослых. Я вырос из детства. И я с удовольствием развернулся и побежал домой. К брату.

Сегодня, 7 ноября, у мамы день рождения. 73 года.

Звонил брату — он сегодня придёт к ней с подарками. А я позвоню в условленное время, чтобы все были на месте. И мама, отложив в сторону не нужные ей подарки, начнёт разглядывать фотографии. Она будет показывать на изображения каких-то детей на солнечной лужайке из её детдомовских подборок своих выпускников и говорить:

— А это Серёжа в пять лет.

Мама не помнит, что мы в это время жили на Крайнем Севере, где никаких лужаек не было.

— Алёша, а что это ты за девочку держишь за руку?

И брат будет на ходу выкручиваться, принимая на себя биографию неизвестного ему мальчика и придумывая имя девочке с чужой фотографии.

Все родители рожают детей для себя. Особенно мамы.

А нас с Лёхой мама родила друг для друга. Так бывает.

С днём рождения, мама.